

в хаотическом порядке элементы разных учений. Именно поэтому за объяснение «Бхагавад-гиты» неоднократно брались самые выдающиеся индийские мыслители от древности до наших дней. Но все они, предлагая свое понимание, прибегали к тому же санскриту — языку науки и ритуала, не признавая иных возможностей для передачи философски-изоощренных и поэтически-утонченных высказываний.

В конце XIII в. никому тогда не известный Днянешвар решил пересказать содержание великой поэмы на разговорном языке — старом маратхи, открыв ее для простонародья Западной Индии. Отчаянный реформатор вновь и вновь разъяснял причины, побудившие его «перестроить тяжелые спуски санскрита в легкие ступеньки маратхи»: по его убеждению, не только Арджуна, но каждый, кто прочитает истолкование «Бхагавад-гиты», сможет осилить путь к сокровенному знанию; Днянешвар также хотел быть услышанным «такими же, как он».

По своему значению это событие сопоставимо с аналогами периода европейской Реформации (см. том XIV—XVI вв., кн. 2-я, с. 293), а фигура Днянешвара вызывает в памяти Яна Гуса (см. там же, кн. 1-я, с. 333), использовавшего во время богослужений чешский язык вместо латыни, и Мартина Лютера (см. там же, кн. 2-я, с. 29), переведшего Библию на немецкий язык. Утверждая свое право творить на, родном языке, Днянешвар не сомневался⁸ его поэтической и интеллектуальной выразительности:

Я буду на маратхи говорить, но он превзойдет нектар —

Такие сладкие сочетания я сотворю.

«Светоч истинной веры» («Бхаварт-^{Ха}Дипика»), жанр которого сам автор⁹ определил как «поэтическое изложение